

Татьяной Дорониной Вселенная объяснилась нам в любви, предложив вопрос-испытание: любите ли вы Доронину так, как люблю ее я? Эта женщина создана для причитаний и заговоров, для подражания и приручения. Как бы мы к ней ни относились, она нас уже приручила. Потому что способна прошептать «я люблю тебя» так, будто отпускает все грехи.

МУЖЧИНЫ

Беседовал
Петр
ГЛАДКОВ

— ЭТО ТЕАТР

Открытое письмо Татьяны Дорониной

«...Мне не очень хочется об этом писать, но надоели те придуманные и подчас нелепые и смешные легенды, которые появляются в результате «малой» информации. Начать придется с легенды под названием «Товстоногов и Доронина». Представить театральным и околотеатральным читателям, что «романа» как такового не было, наверное, достаточно трудно. Но это действительно так. Отношение Георгия Александровича ко мне было несовременным, исключительным, удивительно бережным. Определялось это отношение его любовью ко мне как к краске на той палитре, которая называлась «его актеры». Мы все были его красками: и Луспекаев, и Стрельчик, и Борисов, и Макарова, и другие. Я, наверное, была тем «оттенком», таким «тоном», который был ему необходим при написании того или иного сценического полотна. Особенность, исключительность его отношения к себе я почувствовала гораздо позже, уже после того, как ушла из БДТ, по истечении нескольких лет моего пребывания в Москве. Я храню его телеграмму и его письмо.

Телеграмму он отправил через несколько месяцев после моего переезда в Москву. Он написал, когда он в Москву приедет, и назначил место встре-

чи. Приезжал он для того, чтобы уговорить меня вернуться в театр. Я этого сделать не могла. Представить, что ему стоило «приехать для разговора», — трудно. Он понимал и знал, что он «единственный режиссер», и понимал, что я это тоже понимаю.

Письмо он мне написал через несколько лет — теплое и благодарное: «...за Вашу последовательную позицию в мой адрес. Спасибо! Это так редко в наш век, и поверьте, что я это глубоко ценю».

«Позиция» за все годы работы с ним и за все последующие «без него» была одна — обожание. Незадолго до смерти, перед премьерой фильма о нем, он неожиданно позвонил в театр и попросил меня приехать. Я сидела рядом с ним на этом просмотре и волновалась, и боялась, и внутренне протестовала, когда не очень тонкий и не очень понимающий режиссер фильма последним, заключительным эпизодом зачеркнул все хорошее, что в этом фильме было: Товстоногов выходит из зрительного зала, неуверенно ступая большими ногами, но стараясь держаться, не показывая болезни и боли, а за ним, за его спиной — расстилают белый покров на синие кресла зала.

Я стала говорить ему о других эпизодах фильма, удачных и получившихся, он прервал меня, сказав: «Мне нужно с вами поговорить». Говорили мы в кабинете Славошки Стрельчика, который был тогда главой Ленинградского СТД. Говорил он, я слушала. Смысл разговора — о людях, которые рядом и так далеко одно-

временно. Откровенность этого печального рассказа была неожиданной и ошеломляющей. В конце он сказал: «Вы единственный человек, который меня никогда не предал». Я заплакала. О личной причине моего ухода я ему не говорила, но он догадался сам. Причина совсем не та, известная всем под названием «новое замужество», совсем другая. Но он все понял сам. И сказал мне об этом. А может быть, он с самого начала все знал, поэтому и простил то, что для себя я всегда называла предательством по отношению к нему и к театру. И никакие «нюансы» моей женской, «дамской» моей судьбы — не оправдывают меня. За все надо платить. И я плачу — давно, долго и сполна.

Мои романы с Луспекаевым и Смоктуновским — это тоже красивые театральные легенды. Они «влюблялись» в меня на сцене, путали сцену с жизнью, очень красиво объяснялись в любви на сцене и в жизни. Я любила их изо всех сил на сцене, молилась на их таланты, на удивительную детскость, которая была свойственна им обоим в равной мере, но в «жизни» я любила другого. Они обиделись каждый по-своему. Играть на сцене нам эти «романы» не мешали, было бы гораздо сложнее при личном «успехе» того или другого... А для нас, актеров, главное — сцена, как это ни странно выглядит для «не актеров».

Легенды о связях с начальством, самым высоким, — досужие домыслы обывателей, которые очень своеобразно представляют нашу актерскую жизнь. На встречах со зрителями я получала записки, удивляющие меня, иногда ошарашивающие. Безусловность «моих любовей» — к Саше Лазареву, Армену Джигарханяну, Борису Ливанову, Славошке Стрельчику, Олегу Меньшикову и, конечно, Олегу Ефремову — была для всех «очевидна» и «естественна». Я не отрицаю. Это так. Я любила их всех бесконечно, нежно и, безусловно, «верно». Любила «на всю жизнь». Но эта «вся жизнь» была сценической всей жизнью. Они все большие, прекрасные актеры, играть с ними большое счастье, они остались

Виктор РОЗОВ, драматург:

— В те времена, когда она играла у Товстоногова, это была великая актриса. Беспорно, ее дарование осталось и проявилось в нескольких фильмах, где она потрясающе играет, — это «Три тополя на Плющихе» и «Старшая сестра». Она показала себя великолепно, особенно в паре с Ефремовым. Сейчас она делает титаническую работу. Она держит на своих плечах громадный, практически непригодный для драматических спектаклей театр на Тверской, МХАТ имени Горького.